

Из-за обилия гостей обед устроили во внутреннем дворике — накрыли длинный стол, за которым все и расселись.

Чжоу Дафэй с его призрачным «статусом» полагалось бы занять место в самом конце.

Однако Пэй Янь, едва выйдя из дома, сразу подозвал его к себе и усадил рядом.

Когда Чжоу Дафэй опускался на стул, Пэй Янь при всех собственническим жестом сжал его плечо. От этого нарочито-заботливого жеста Чжоу Дафэй невольно напрягся, но, справившись с секундным замешательством, понял, что окружающим дела нет до них. Видимо, здешняя публика давно привыкла к подобным сценам.

Лишь Би Цзяцзя бросила на него встревоженный, колеблющийся взгляд. Чжоу Дафэй сразу сообразил: она боится, что Пэй Янь подслушал их недавний разговор. Он ободряюще кивнул ей — мол, не дёргайся, я сам со всем разберусь.

Пэй Янь терпеть не мог, когда Чжоу Дафэй с кем-то болтал. Самое большее — осыплет сарказмом, ну или, разозлившись, выскажет пару ласковых. Не прибьёт же он его в самом деле.

Интересно только, услышал ли он её последнюю фразу. Если услышал — Чжоу Дафэй понятия не имел, как тот отреагирует.

Пэй Янь подцепил палочками кусочек краба и вскользь посмотрел на Чжоу Дафэя.

— Тебе не по вкусу шанхайская кухня?

— Почему же, — Чжоу Дафэй поудобнее перехватил палочки и поднял глаза на собеседника. Пэй Янь выглядел абсолютно невозмутимым.

— Почтение к старшим, — с ходу сочинил Чжоу Дафэй. — Ждал, пока вы первый притронетесь к еде.

Чжоу Дафэй ел мало и почти не разговаривал. С детства привыкший отключаться от внешнего мира, он налил себе супа яньдусянь и принялся методично витать в облаках.

И думал он вовсе не о том, устроит ли ему Пэй Янь сегодня взбучку. Разговор с Би Цзяцзя разбередил прошлое.

Он тосковал по прежнему себе, по своему лучшему другу и вечному единомышленнику Чжао Умяню, по всем, кто окружал его в юности — например, по Линь Цяньюй.

Эти воспоминания неожиданно подтолкнули его к свежим решениям для раскадровки «Лимонной прохлады».

Во времена учёбы в Университете А их троицу полоскали в сплетнях кому не лень. Обычная студенческая дружба обросла такими домыслами и грязными подозрениями, что светлые, безоблачные годы в чужих пересказах превратились в какой-то пошлый и липкий балаган.

Стоило Линь Цяньюй уйти от Чжоу Дафэй к Чжао Умянь, как её тут же заклеямили ветреной девкой. А когда они расстались, досужие кумушки с заговорщицким видом принялись шептаться, будто Чжоу Дафэй и Чжао Умянь — вот она, настоящая любовь, а девчонки были лишь прикрытием.

Словом, типичный «любовный треугольник» вывернулся наизнанку. Только теперь, глядя на всё со стороны, Чжоу Дафэй понял, почему эти странные, запутанные отношения давались им троим так легко и естественно.

Человеческое сердце устроено сложно, а жизнь непредсказуема. Любовь, ненависть и привязанность постоянно сменяют друг друга, меняя саму суть отношений.

И он, и Чжао Умянь, и Линь Цяньюй были людьми с сильным характером, способными бороться за то, что им дорого. Они шли своими путями, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга. Важна была не форма их отношений, а внутренняя верность себе.

Только так и могла существовать их дружба, тесно переплетённая с любовью.

Чжоу Дафэй спохватился, обнаружив, что в пиале осталась половина супа. В два глотка доел гущу и разом осушил бульон.

Внутри так и бурлила творческая энергия — не терпелось пулей долететь до стола и взяться за карандаш.

Когда обед подошёл к концу, Пэй Янь и Чжоу Дафэй стали прощаться с хозяином дома.

— Ну, тогда до встречи в Чунцине! — улыбнулся раскрасневшийся от хмеля Ян Тянь.

— Да, — кивнул Пэй Янь. — Я отправил тебе на почту свежие раскадровки, просмотри на досуге правки.

— Толку-то смотреть, — беззлобно проворчал Ян Тянь. — Всё равно до начала съёмок ты их ещё раз десять перелопатишь. Чжоу Дафэй ведь тоже едет в Чунцин?

Чжоу Дафэй, чьи мысли всё ещё блуждали где-то между воспоминаниями юности и

раскадровкой «Лимонной прохлады», отвлёкся не сразу. Спустя секунду он торопливо кивнул:

— Да.

— Отлично, — улыбнулся Ян Тянь и многозначительно посмотрел на Пэй Яня. Тот ничего не ответил, подтверждая его слова молчаливым согласием.

На улице их ждала машина. Заметив выходящих мужчин, секретарь Ли поспешно вышел из салона и открыл им дверцу.

Чжоу Дафэй удивился: утром секретаря с ними не было.

— У меня во второй половине дня дела, — обратился Пэй Янь к Чжоу Дафэю. — Ты как поступишь? Хочешь, чтобы тебя кто-нибудь покатал по окрестностям?

— Нет, — покачал головой Чжоу Дафэй. Ему не терпелось взяться за работу. — Я поеду обратно. Нужно закончить раскадровку для «Лимонной прохлады», там ещё полно работы.

Пэй Янь некоторое время пристально всматривался в его лицо, после чего кивнул:

— Ладно. Садись в эту машину, Сяо Лю отвезёт тебя домой.

Договорив, Пэй Янь развернулся и зашагал ко второй машине, на которой, по всей видимости, приехал секретарь Ли.

Ли поотстал на пару шагов и вполголоса спросил Чжоу Дафэя:

— Учитель Пэй доверил тебе делать раскадровку?

— Да, — ответил Чжоу Дафэй.

Секретарь Ли задумчиво кивнул, больше ни о чём не спрашивая, и быстро пошёл за Пэй Янем.

— Учитель Пэй, — деликатно заговорил в машине секретарь Ли. — Может, стоит подыскать кого-нибудь, кто бы присматривал за Чжоу Дафэем?

Он заводил об этом речь уже в третий раз. Работа личного помощника требовала не только исполнительности, но и умения читать между строк, предугадывая намерения босса.

Пэй Янь, отдыхавший в этот момент с закрытыми глазами, резко распахнул их и нахмурился:

— И кого ты предлагаешь к нему приставить?

— А? — Ли растерялся. — Я имел в виду... у Чжоу Дафэя в будущем могут возникнуть различные дела с агентами, обычно компания выделяет для этого специального человека, который помогает во всём разобраться и вводит в курс дела...

— И кто, по-твоему, сможет им управлять? — раздражённо перебил его Пэй Янь. — Может, сам попробуешь?

Секретарь Ли промолчал.

Настроение у Пэй Яня сейчас было отвратительным.

— Чжоу Дафэй в нашей компании — особый случай. Ли, неужели ты до сих пор этого не уяснил?

Секретарь Ли немного помолчал, а затем тихо произнёс:

— Понимаю.

Пэй Янь больше ничего не сказал и снова закрыл глаза, но успокоиться никак не мог. На душе было беспокойно.

На самом деле Пэй Янь прекрасно понимал, что слова Ли имеют смысл. Раз уж он решил сделать из Чжоу Дафэя настоящего режиссёра, тому рано или поздно понадобится человек для ведения дел. Сейчас у каждого режиссёра есть свой агент.

Пэй Янь не мог вечно прятать Чжоу Дафэя за своей спиной, контролируя каждый его шаг и ревниво следя за тем, с кем тот разговаривает.

В будущем у Чжоу Дафэя обязательно появится собственная команда, ему придётся общаться со множеством самых разных актёров. Через это проходит каждый режиссёр.

При мысли об этом Пэй Янь испытывал сложные чувства, похожие на переживания родителя, который хочет, чтобы его ребёнок взлетел высоко в небо, но одновременно панически боится, что тот улетит насовсем.

Сегодня он видел, как Би Цзяцзя подошла поговорить к Чжоу Дафэю. Сначала в нём шевельнулось глухое раздражение, захотелось вспылить, но его остановили последние слова девушки, которые он случайно услышал. Даже без контекста это звучало как насмешка.

Пэй Янь был человеком гордым. И он знал, что Чжоу Дафэй тоже невероятно горд, и даже тайно восхищался этим его качеством.

Пэй Янь когда-то полушутя обещал, что любой, кто посмеет косо посмотреть на Чжоу Дафэя, просто исчезнет из поля зрения. Однако на лице Чжоу Дафэя тогда не отразилось ни капли радости.

Пэй Янь мог заставить замолчать кого угодно, но это не изменило бы реальности. Он сам привязал Чжоу Дафэя к себе, но при этом не мог смириться с тем, как другие отзываются о его подопечном. И с каждым днём это задевало его всё сильнее.

Ведь именно он сделал Чжоу Дафэя таким.

А ведь раньше тот никогда не сдавался.

Чжоу Дафэй весь остаток дня провёл за работой.

Хотя менять сценарий запрещалось, раскадровка всё равно оставалась мощным инструментом воздействия на тональность истории и мотивы персонажей.

Сегодня Чжоу Дафэй наконец-то нащупал верный подход к этой истории, нашёл собственный угол зрения. Его переполняло радостное возбуждение — не только потому, что работа над раскадровкой «Лимонной прохлады» наконец сдвинулась с мёртвой точки, но и потому, что он впервые на практике ощутил великую силу режиссёрской интерпретации.

Один и тот же текст в руках разных людей может превратиться во что-то совершенно непохожее, показав, есть ли у режиссёра собственное мнение и стержень.

В этот момент Чжоу Дафэй почувствовал даже странную благодарность к Пэй Яню за то давление, которое тот на него оказывал.

Чжоу Дафэй рисовал взмахом, его рука летала по бумаге. Он делал лишь беглые, схематичные наброски, фиксируя самое главное, и за несколько часов успел переработать почти всю раскадровку.

К ужину вернулся Пэй Янь. На этот раз он не стал тащить Чжоу Дафэя за стол, а молча и не торопясь поел в одиночестве.

Когда Чжоу Дафэй спустился на кухню, Пэй Янь уже допивал свой суп.

— Учитель, — Чжоу Дафэй интуитивно почуял неладное. Он положил себе риса и медленно сел напротив. — Когда вы вернулись?

— Только что, к ужину, — ответил Пэй Янь.

— Понятно, — Чжоу Дафэй принялся за еду, украдкой поглядывая на сидящего напротив мужчину. — Я сегодня днём занимался раскадровкой «Лимонной прохлады». Кое-что переделал, появились новые мысли.

— Хорошо, — кивнул Пэй Янь. — Покажешь после ужина. Будет лучше, если ты закончишь с этим до нашей поездки в Чунцин.

Разговор тёк мирно и обыденно, но от этой показной нормальности атмосфера в столовой казалась ещё более гнетущей.

После ужина Чжоу Дафэй поднялся со стула, собираясь пойти в кабинет за рисунками. Однако сидевший напротив Пэй Янь выпрямил спину. Весь вечер он пытался сдерживаться, но в конце концов не выдержал:

— О чём ты говорил сегодня с Би Цзяцзя?

— А? — Чжоу Дафэй замер на полпути. Он медленно обернулся, стараясь не выдать своего замешательства. — Да ни о чём. Просто перекинулись парой слов.

Его мозг лихорадочно соображал, какую полуправду выдать, но он понимал: Пэй Янь мгновенно почует ложь, как бы правдоподобно она ни звучала.

Пэй Янь не сомневался, что от него попытаются отделаться банальной отговоркой, и его взгляд сделался холоднее.

На самом деле его не особо волновало, о чём именно они говорили. Больше всего Пэй Яня задевало то, что Чжоу Дафэй совершенно ему не доверял и не желал говорить правду.

Ночью они спали в одной постели, обнимая друг друга, а днём парень снова закрывался и защищался от него как от классового врага.

Эта стена отчуждения безумно раздражала Пэй Яня. Он плотно сжал губы:

— Ты...

В тот момент, когда он заговорил, Чжоу Дафэй непроизвольно вздрогнул. Пэй Янь заметил это

секундное движение и вдруг всё понял.

Последняя фраза Би Цзяцзя была насмешкой.

Самой настоящей издёвкой.

И хотя девушка, возможно, не желала зла, для такого гордого человека, как Чжоу Дафэй, эти слова прошли по самому больному месту. Его ткнули носом в то, как низко он пал, подчинившись Пэй Яню.

Конечно, ему было невыносимо стыдно признаваться в подобном.

Готовая сорваться с языка гневная тирада застряла в горле. Пэй Янь осёкся, со страхом осознав, что начинает чувствовать чужую боль как свою собственную.

— Что? — удивлённо спросил Чжоу Дафэй.

— Ты... — Пэй Янь запнулся и, силой заставив себя успокоиться, перевёл разговор на другую тему. — Ты говорил, что у тебя появились новые идеи по поводу раскадровки?

Чжоу Дафэй лишь молча посмотрел на него в ответ.

<http://bllate.org/book/19003/1960873>